

Видя, что выражение его лица изменилось, девушка не упустила случая нанести еще один удар:

— Советую тебе быть реалистом. Чи Чэн — не тот человек, на которого ты можешь рассчитывать.

У Совэй усмехнулся:

— Да-да, конечно. Куда уж мне до него. Но раз ты так много знаешь, то должна быть в курсе, где сейчас Чи Чэн?

Ему не терпелось узнать, где этот негодник развлекается, и лучше бы ему не увидеть ничего лишнего. А что именно считать лишним — зависело исключительно от настроения У Совэя.

Девушка вскинула подбородок:

— Разумеется. В этом университете нет ничего, чего бы я не знала. Они отправились на гору Хэшань, сегодня там гонки.

Гонки?

У Совэй слышал от Цзян Сяошуа истории о студенческих временах Го Чэнъюя и Чи Чэна, но сам их никогда не видел. Он и подумать не мог, что ему выпадет шанс застать Чи Чэна за рулем.

Больше не говоря ни слова, У Совэй обменялся с девушкой контактами в WeChat и поспешил на гору Хэшань. Девушка проводила его взглядом, покачав головой: в ее глазах читалось глубокое сочувствие, словно она видела перед собой человека, которому суждено страдать.

В октябре перепады температур между днем и ночью были значительными, а У Совэй был в одной футболке. Гора Хэшань находилась в пригороде, и чем ближе они подъезжали, тем мрачнее становилось лицо парня. Водитель, заметив это, из вежливости напомнил, что на соседнем сиденье лежит плед. У Совэй лишь горько усмехнулся, не ответив. Его глаза были прикованы к счетчику: с каждым щелчком прибора сердце болезненно сжималось, и он невольно проклинал Чи Чэна снова и снова.

Расплатившись с водителем, У Совэй едва успел выйти из машины, как услышал оглушительный шум. В свете теплых желтых фонарей копошилась черная масса людей — зрелище напоминало школьные разборки, за которыми тайком наблюдают младшеклассники. Что ж, богачи умеют развлекаться, неудивительно, что отец Чи Чэна вечно выходит из себя. Не успел У Совэй закончить эту мысль, как получил толчок в спину. Он не удержался на ногах и, пошатнувшись, сделал несколько шагов вперед.

Его и без того паршивое настроение, испорченное стоимостью такси, окончательно достигло точки кипения. В душе он уже подготовил целый список «приветствий», но, обернувшись, натянул на лицо улыбку. Перед ним стояли четверо или пятеро здоровенных парней с руками

толще его бедер. Благоразумие взяло верх, и У Совэй выдавил:

— Ничего страшного, я понимаю, вы не нарочно. Я пойду.

Не успел он договорить, как двое из них подхватили его под руки и приподняли над землей.

— Эй, эй! Вы кто такие? Куда вы меня тащите?

Парни молчали, продолжая нести его вглубь толпы. Люди расступались, с любопытством разглядывая пленника. У Совэй уже и не помнил, когда в последний раз оказывался в центре внимания стольких молодых людей, и это вызывало неловкость. Хотя надо признать, все они были как на подбор красавцами. Особенно выделялся парень в самом конце, и У Совэй, почти свернув шею, не мог оторвать от него взгляда.

— Молодой господин Чи, господин Го, этот тип околачивался неподалеку, не знаю, что он задумал.

Молодой господин Чи? Чи Чэн!

У Совэй резко обернулся. Чи Чэн в белом спортивном костюме полулежал, прислонившись к «Мерседесу», и о чем-то беседовал с человеком в салоне. Мягкий свет фонарей придавал его облику некую нежность. У Совэй засмотрелся, сам того не заметив. Видимо, его взгляд был слишком горячим: мужчина, до этого улыбавшийся, внезапно выпрямился, улыбка исчезла, и от него повеяло холодом, не терпящим приближения чужаков.

Ван Шо, сидевший в машине, недовольный тем, что его прервали, высунулся наружу и взглянул на У Совэя. На мгновение он замер. Перед ним стоял парень около метра восьмидесяти ростом, в простой футболке и слегка выцветших джинсах — чистый, свежий, с большими глазами, в которых сквозила упрямая решимость. Оба они были красивы, но этот парень не был таким холодным, как Чи Чэн, и таким вызывающим, как Го Чэнъюй — просто солнечный мальчишка.

У каждого свои стандарты красоты, но перед по-настоящему прекрасным человеком или вещью люди единодушны. Этот парень определенно цеплял взгляд. Ван Шо повернул голову и увидел, что Чи Чэн пристально изучает У Совэя. Ван Шо охватила паника: с самого детства было мало тех, на кого Чи Чэн смотрел бы всерьез. Его бывшие девушки были лишь номинальными спутницами, Чи Чэн порой даже не мог вспомнить их примет. Реакция Чи Чэна сейчас означала, что он заинтересовался, и Ван Шо прекрасно понимал, к чему это ведет.

У Совэй поджал губы, глядя на Чи Чэна невинным взглядом. С того самого момента, как их глаза встретились, он понял: Чи Чэн что-то почувствовал.

Они молчали, но в этом молчании читалось многое. Ван Шо, заметив это, пришел в ярость и дернулся было к дверце, но Чи Чэн прижал его руку к сиденью.

— Чи Чэн, ты на кого пялишься? — взревел Ван Шо. — Что, мало тебе тех десяти звезд, которых

ты в прошлый раз выставил перед собой? В следующий раз мне притащить тебе двадцать?

Чи Чэн словно не слышал его. Его взгляд был прикован к У Совэю:

— Откуда ты?

У Совэй промолчал, лишь с покрасневшими глазами покосился на руки, удерживающие его.

— Отпустите его, — бросил Чи Чэн.

Телохранители переглянулись и разжали руки. У Совэй потер плечо, не отрывая взгляда от Чи Чэна — прямого, искреннего и горячего. Чи Чэн на мгновение потерял дар речи.

— Чи Чэн, ты что творишь? — не унимался Ван Шо. — А если он подослан Линь Чэнем, чтобы нарыть на тебя компромат? Хочешь снова загреметь под замок на неделю?

У Совэй на секунду задумался. Он понял, что посадить Чи Чэна может только его отец, но кто такой Линь Чэнь? В своей прошлой жизни — тьфу ты, в своих воспоминаниях — он никогда не слышал этого имени.

Го Чэнъюй, сидевший на капоте и наблюдавший за представлением, лениво закурил и многозначительно покосился на У Совэя:

— Трудно сказать, зачем он пришел.

Взгляд Го Чэнъюя был таким игривым, что на лбу у У Совэя можно было прочесть: «Ты пришел ради Чи Чэна». У Совэй отвел глаза, чувствуя себя виноватым. Он не ожидал, что двадцатилетний Го Чэнъюй окажется таким проникательным. Недаром Сяошуай вечно твердил, что тот в прошлой жизни был лотосом — весь состоял из хитросплетений.

Заметив, что У Совэй перевел взгляд на Го Чэнъюя, Чи Чэн помрачнел. Он сделал резкий шаг вперед и, не дав У Совэю опомниться, в два счета прижал его к машине, вцепившись в горло. У Совэй глухо застонал от боли в спине, ударившейся о металл.

Чи Чэн склонился над ним, прищурившись:

— Я спрашиваю, а ты не слышишь? Говори, кто тебя прислал.

Удушье заставило У Совэя инстинктивно ухватиться за руки Чи Чэна. С тех пор как они сошлись, Чи Чэн никогда не поднимал на него руку, даже голоса не повышал, кроме как в постели. Напротив, это сам У Совэй чуть что — срывал злость на Чи Чэне.

Чи Чэн, твою мать, смеешь так со мной обращаться! У Совэй мысленно проклинал его, твердо решив: как только он снова заарканит Чи Чэна, тот ответит за это сполна.

У Совэй поджал губы и намеренно задержал дыхание. Вскоре его лицо покраснело, и со стороны казалось, что он вот-вот задохнется. Окружающие затаили дыхание. На самом деле, Чи Чэн прекрасно контролировал силу сжатия и не собирался его убивать — просто хотел проучить, чтобы тот стал послушнее.

Не успел он усилить хватку, как У Совэй, захлопав ресницами, посмотрел на него и, чуть изогнув губы, едва слышно прошептал:

— Больно.

<http://bllate.org/book/20872/2107322>